

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ/POLITICAL SOCIOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.11> EDN: UOFKWN

ЦИФРОВОЕ ВИДЕОДОКУМЕНТИРОВАНИЕ КРИЗИСНЫХ СОБЫТИЙ КАК ДРАЙВЕР ОБЩЕСТВЕННОГО РЕЗОНАНСА И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ КЕЙСОВ

Научная статья

Фомин К.Д.^{1,*}, Зорин К.А.²² ORCID : 0000-0002-9730-2982;^{1,2} Московский финансово-юридический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kostya.fomin2002[at]mail.ru)

Предложена: 01.04.2026; Принята: 03.06.2026; Опубликовано: 17.07.2026

Аннотация

В статье исследуется влияние цифрового видеодокументирования ЧС на общественный резонанс и динамику медийного освещения кризисных событий в современной России. Актуальность работы обусловлена противоречием между традиционными вертикальными моделями антикризисной коммуникации власти и горизонтальной природой распространения информации в цифровой среде. Автор уточняет понятие «цифровое видеодокументирование ЧС», разграничивая пользовательский контент (UGC), профессиональную съёмку и материалы с камер наблюдения. На основе сравнительного анализа двух резонансных событий — пожара в ТЦ «Зимняя вишня» (Кемерово, 2018) и теракта в «Крокус Сити Холле» (Москва, 2024) — проверяется гипотеза о положительной корреляции между интенсивностью распространения видеоконтента и масштабом общественного резонанса. Методологическую базу составляют кейс-стади, контент-анализ, ивент-анализ и сравнительный анализ. В итоге видеодокументирование предстает не просто способом фиксации, а отдельным фактором, влияющим на принятие управленческих решений и дальнейшую трансформацию внутриполитических механизмов.

Ключевые слова: цифровое видеодокументирование, ЧС, медиатизация политики, общественное мнение, внутренняя политика РФ.

DIGITAL VIDEO DOCUMENTATION OF CRISIS EVENTS AS A DRIVER OF PUBLIC RESONANCE AND POLITICAL DECISIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN CASE STUDIES

Research article

Fomin K.D.^{1,*}, Zorin K.A.²² ORCID : 0000-0002-9730-2982;^{1,2} Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (kostya.fomin2002[at]mail.ru)

Suggested: 01.04.2026; Accepted: 03.06.2026; Published: 17.07.2026

Abstract

The article examines the influence of digital video documentation of emergencies on public reaction and the dynamics of media coverage of crisis events in modern Russia. The relevance of the work is due to the contradiction between the authorities' traditional vertical models of crisis communication and the horizontal nature of information distribution in the digital environment. The author clarifies the concept of 'digital video documentation of emergency situations' by distinguishing between user-generated content (UGC), professional footage and CCTV footage. Based on a comparative analysis of two high-profile events — the fire at the 'Zimnyaya Vishnya' shopping centre (Kemerovo, 2018) and the terrorist attack at 'Crocus City Hall' (Moscow, 2024) — the hypothesis of a positive correlation between the intensity of video content distribution and the scale of public reaction is tested. The methodological framework consists of case studies, content analysis, event analysis and comparative analysis. Ultimately, video documentation emerges not merely as a means of recording, but as a distinct factor influencing managerial decision-making and the subsequent transformation of domestic political mechanisms.

Keywords: digital video documentation, emergency situations, mediatization of politics, public opinion, domestic policy of the Russian Federation.

Введение

Цифровые технологии меняют освещение ЧС: смартфоны и соцсети сделали информацию мгновенной — снимать происходящее могут не только журналисты, но и обычные люди. Как отмечает Е.С. Шанцева, в первые минуты пользовательское видео часто становится главным источником, опережая официальные СМИ [8]. Видеодокументирование — инструмент, напрямую влияющий на восприятие события и реакцию общества.

Здесь возникает напряжение. Государство работает по вертикальной логике: сбор данных, проверка, согласование, затем заявление, тогда как цифровая среда устроена горизонтально. Люди видят шокирующие кадры задолго до заявлений властей и составляют собственную картину, что порождает недоверие и общественное напряжение. О.Ю. Голуб называет эту зону ключевой для понимания политических процессов [16].

В науке тема любительского видео проработана фрагментарно. Одни исследования сосредоточены на виральности и алгоритмах [11], [12], другие — на эмоциональном воздействии [10], [17]. Работы о кризисных коммуникациях

власти разбирают в основном официальные заявления и стратегии СМИ [4], [7], [15]. Комплексного анализа, который связал бы видеодокументирование с реальными политическими последствиями — отставками, законами, изменением риторики, — на российском материале не было. Этот пробел и призвано заполнить наше исследование.

Цель статьи — выявить механизмы воздействия цифрового видеодокументирования ЧС на общественную реакцию и политико-коммуникационные процессы в современной России.

Современная медиасреда держится на визуале: именно картинка сегодня сильнее всего влияет на общественное мнение. Ещё Маклюэн говорил, что медиатехнологии не просто передают информацию, а меняют само восприятие реальности и природу коммуникаций [1]. В цифровую эпоху видео с места событий, снятое на обычный телефон, часто убедительнее официальных заявлений и бьёт прямо в эмоции.

Цифровые платформы и соцсети превращают информацию в сетевой поток. Как пишет Кастельс, современные технологии создают децентрализованные структуры: данные распространяются мгновенно и становятся доступны миллионам [2]. В такой системе видеоматериалы о ЧС перестают быть просто свидетельством — они встраиваются в общественно-политическую повестку.

Особенно это заметно в политике. То, как медиа показывают кризисы, напрямую влияет на оценку власти и госинститутов. Луман подчёркивал: массовые коммуникации конструируют реальность — люди знают о происходящем лишь то, что попало в медиаполе [3].

Российская медиасреда — не исключение. Цифровизация меняет освещение ЧС и внутри страны: очевидцы с телефонами всё чаще формируют первичную картину событий, а соцсети и платформы распространяют эти кадры, задавая повестку. Исследования подтверждают: цифровые каналы становятся важным фактором во взаимодействии общества и государства, трансформируя привычные механизмы коммуникации.

Методы и принципы исследования

В этом исследовании под цифровым видеодокументированием ЧС мы понимаем процесс создания, распространения и просмотра видео о кризисах, снятых на цифровые устройства. Типы контента важно различать, потому что воздействуют они по-разному.

- Пользовательский (UGC) — видео очевидцев с телефонов. Как показывает Е.С. Шанцева, именно он в первые минуты формирует картину события, часто опережая официальные источники [8].

- Профессиональный — съёмка журналистов, операторов, дронов и камер наблюдения.

- Гибридный — видео, снятое очевидцами, но затем растиражированное профессиональными медиа.

Исходя из теоретического анализа выдвинута гипотеза: интенсивность распространения визуального контента о ЧС усиливает общественный резонанс и влияет на динамику медийного освещения кризисных событий.

Эмпирическую базу составили материалы, собранные из открытых источников, по двум резонансным событиям.

- Пожар в «Зимней вишне» (Кемерово, 2018) — 60 погибших, из них 37 детей. Событие вызвало огромный резонанс, массовое распространение любительских видео и привело к серьёзным политическим последствиям.

- Теракт в «Крокус Сити Холле» (Москва, 2024) — вооружённое нападение и пожар, погибло больше 140 человек. Крупнейший теракт в России за последние годы, сопровождавшийся мощнейшей волной видео — с места трагедии, траурных мероприятий, задержаний и не только.

Кейсы выбраны из-за сходства (массовые жертвы в местах скопления людей) и разницы в 6 лет — это позволяет увидеть, как изменились и видеосъёмка, и реакция властей.

Для каждого события собраны не менее 200 видеозаписей за первые семь дней методом сплошного просмотра публикаций в социальных сетях, на видеохостингах и в открытых СМИ. Фиксировались: время первой публикации, тип контента (пользовательский, профессиональный, с дронов).

Данные систем мониторинга: использовались открытые отчёты «Медиалогии» и Brand Analytics по динамике упоминаний и тональности сообщений за соответствующие периоды.

Официальные документы и заявления: в качестве эмпирической базы использовались официальные документы: пресс-релизы, стенограммы, указы, а также данные о кадровых и законодательных решениях.

Для проверки гипотезы применяется комплексная методология, объединяющая качественные и количественные подходы. Исследование опирается на четыре основных метода: кейс-стади, контент-анализ, ивент-анализ и сравнительный анализ.

Кейс-стади выбран в качестве базового: каждый случай (пожар в «Зимней вишне» и теракт в «Крокус Сити Холле») анализируется как целостная единица в реальном контексте. Контент-анализ позволяет перевести визуальную информацию в количественные показатели и определить динамику распространения видеоматериалов. Ивент-анализ фиксирует последовательность и интенсивность действий власти в ответ на кризис. Сравнительный анализ завершает работу, выявляя сходства и различия между двумя кейсами.

Автор отдаёт себе отчет в наличии определенных ограничений, присущих использованной методологии.

Исследование опирается на открытые источники, поэтому мы анализируем не прямые причинно-следственные связи, корреляции между динамикой виральности видео и публичными действиями власти. Нельзя исключать, что часть видеоматериалов была удалена, что влияет на полноту базы. Оценка эмоциональной насыщенности видео, несмотря на участие экспертной группы, остаётся качественной характеристикой и не претендует на абсолютную объективность.

Основные результаты

Результаты применения методологии к двум кейсам представлены в три этапа: сначала анализ каждого случая, затем их систематическое сравнение.

Пожар в торговом центре «Зимняя вишня»

Трагедия в Кемерово (25.03.2018) стала первым случаем в новейшей истории России, когда любительские видео целиком сформировали официальную картину событий и во многом определили политические последствия.

Контент-анализ (215 видео) показал: первые кадры дыма и паники появились в сети уже через 11–15 минут после сигнала в МЧС. Видео из кинозалов расходились с официальными данными (власти сообщали о 4 погибших, тогда как на кадрах люди взывали о помощи из окон). Пик виральности — 26–27 марта, добавились кадры стихийных траурных акций, перераставших в протесты. Возник «замкнутый круг»: видео рождало недоверие, недоверие — протест, протест снова снимали, и это усиливало резонанс.

Ивент-анализ зафиксировал задержку первых официальных заявлений на 6–8 часов — «информационный разрыв» привёл к резкому падению доверия. 26 марта — соболезнования президента, 27 марта — пик протестных видео, незапланированный визит в Кемерово. 1 апреля губернатор (более 20 лет у власти) ушёл в отставку. Позже — уголовные дела и поправки в законодательстве о пожарной безопасности.

Видео задавало тон всей ситуации: очевидцы первыми показали эмоционально заряженную картину, убедительнее официальных сводок. Кадры с траурных митингов, которые быстро переросли в протесты, подстёгивали общественное давление. Власть среагировала только когда видео добились федерального охвата и игнорировать происходящее стало невозможно.

Теракт в «Крокус Сити Холле»

Теракт в «Крокус Сити Холле» (22.03.2024) стал крупнейшим по числу жертв и масштабу видеодокументирования в новейшей истории России. Кейс выбран из-за типологического сходства с «Зимней вишней» и шестилетнего разрыва, позволяющего проследить эволюцию видеодокументирования и антикризисных коммуникаций.

Контент-анализ (220 видео) показал иную динамику, чем в 2018 году. Первые кадры с вооружёнными людьми появились через 5–10 минут, некоторые очевидцы вели прямые трансляции из зала (эффект присутствия). В первые часы доминировало любительское видео, но уже к утру добавились записи с камер наблюдения и официальные кадры допросов. Общий охват видео за три дня — 100 миллионов просмотров, пик пришёлся на 2–3 сутки.

Ивент-анализ зафиксировал более быструю реакцию, чем в 2018-м. Первые заявления на федеральном уровне — менее чем через 12 часов. Вечером 23 марта задержали подозреваемых, 24 марта — общенациональный траур. В течение недели последовали жёсткие заявления об ужесточении антитеррористического законодательства, к маю приняли пакет поправок, расширяющих полномочия силовиков и ужесточающих требования к безопасности.

Видео распространялись быстрее и охватывали куда большую аудиторию, чем в 2018-м — во многом благодаря Telegram и прямым эфирам. Беспрецедентная открытость трагедии оказала колоссальное давление на власть, требуя немедленной и публичной реакции. И власть подстроилась: время ответа сократилось в разы, а сама коммуникация стала заметно более открытой и оперативной.

Для проверки гипотезу два случая систематически сравнили по единому набору критериев — это позволило увидеть общие закономерности и особенности каждого.

Таблица 1 - Сравнительная характеристика кейсов

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.11.1>

Параметр сравнения	«Зимняя вишня» (Кемерово, 2018)	«Крокус Сити Холл» (Москва, 2024)
Тип чрезвычайной ситуации	Пожар (техногенная/социальная катастрофа)	Теракт (вооруженное нападение + поджог)
Основные пострадавшие	60 погибших, включая 37 детей	151 погибший, включая 6 детей
Основной тип видеоконтента	UGC (смартфоны очевидцев)	UGC (прямые эфиры), камеры наблюдения, прямые эфиры всех крупных телеканалов
Время появления первых видео	15–20 минут после возгорания	5–10 минут после начала атаки

Параметр сравнения	«Зимняя вишня» (Кемерово, 2018)	«Крокус Сити Холл» (Москва, 2024)
Основные площадки распространения	«ВКонтакте», Instagram (Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации), Telegram	Telegram, ВКонтакте, Rutube, YouTube, классические СМИ
Пик виральности	2–3 сутки, после появления кадров из кинозала и видео протестов	1–2 сутки, в связи с обильным количеством прямого эфира
Время первого официального заявления на федеральном уровне	24 часа	Менее 12 часов
Ключевое политическое решение	Отставка губернатора (7 дней); поправки в законодательство о пожарной безопасности (в течение 2–3 месяцев)	Ужесточение антитеррористического законодательства; пакетные поправки (в течение 1–2 месяцев)
Время принятия решения после пика виральности	2–3 дня	1–2 дня

Обсуждение

Сравнительный анализ подтвердил гипотезу.

Прослеживается устойчивая связь: чем активнее распространялось видео, тем выше был общественный резонанс. Пик виральности в обоих случаях либо предшествовал действиям власти, либо совпадал с ними.

Технологии шагнули вперёд. В 2024-м вместо отдельных видео — прямые эфиры и Telegram, что резко сократило разрыв между событием и его потреблением. Реакция государства ускорилась: в 2018-м на системные решения ушла неделя, в 2024-м — 2–3 дня.

Изменилась и сама власть: коммуникация стала более открытой и оперативной.

Ю.Г. Якушева связывает недоверие к власти с «информационным разрывом»: официальная реакция запаздывает, а UGC распространяется мгновенно [4], [9]. А.А. Смелов на примере теракта в «Крокус Сити Холле» показывает, как видеоконтент используется в гибридной информационной войне для раскачки общественных настроений [15].

Российская медиасреда следует общемировым трендам: цифровизация меняет освещение ЧС внутри страны, а цифровые каналы становятся важным фактором взаимодействия общества и государства [4], [5].

Работы, посвящённые кризисным коммуникациям, можно разделить на несколько направлений.

Первое — анализ освещения конкретных типов ЧС. Теракты как особый вид кризисных ситуаций анализируются в работах Е.С. Шанцевой на примере Домодедово, 2011 [8], Ю.Г. Якушевой роль телевидения [9], В.В. Тыркаловой на примере 11 сентября [10]. Техногенные катастрофы рассматриваются в исследованиях А.В. Кшинина авария в Норильске [11], И.А. Куксина типология освещения ЧС [12], [13], М.Н. Королевой подходы онлайн-СМИ [14]. Особый интерес представляет недавняя работа А.А. Смелова, посвящённая гибридно-информационной войне вокруг теракта в «Крокус Сити Холле» [15], которая даёт богатый материал для анализа медиареакций 2024 года.

Второе — антикризисные коммуникации власти. О.Ю. Голуб разбирает, где именно в соцмедиа во время кризисов возникает напряжение между властью и обществом [16]. Л.А. Василенко и Е.А. Скачилова показывают, что если включить в коммуникацию «эмоциональную энергию», можно изменить медийный фон и получить конструктивный отклик от людей [17]. А В.Э. Саркисов выделяет главный принцип: кризисная коммуникация работает лучше всего, когда помогает превратить кризис в поле возможностей для всех участников [7].

Третье — эмпирика последних лет. А.А. Афанасьев на примере пожаров в Найстенъярви (2021) и Гридино (2024) показывает, что ключевую роль в информировании сыграли соцсети, а избирательность освещения искажает восприятие [21]. Диссертационные исследования С.А. Штрикова [19] и Д.В. Волковского [20] исследуют антикризисные коммуникации власти в условиях цифровизации.

Вопрос о связи видеодокументирования с реальными политическими решениями остаётся открытым. Мы восполняем этот пробел, сравнивая два однотипных события (крупные пожары и теракты с массовыми жертвами) в разные годы.

Заключение

Исследование подтвердило гипотезу: видеодокументирование ЧС существенно влияет на общественный резонанс и освещение кризисов. Анализ двух кейсов показал устойчивую связь между распространением видео и масштабом общественной реакции. Пики виральности предшествовали действиям власти, а временной лаг сократился до 2–3 дней, что отражает эволюцию технологий и антикризисных коммуникаций.

Качественно изменился видеопоток: вместо фрагментарных записей — прямые эфиры и множество источников, что создает эффект присутствия и усилило давление на власть. Эмоциональные кадры мобилизуют общественность, а официальные записи работают как доказательная база.

Результаты подтверждают влияние медиатехнологий на восприятие реальности и эффективность сетевых коммуникаций в кризисах.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.11.2>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Community of Reviewers of the International Research Journal
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.169.11.2>

Список литературы / References

1. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. — Moscow: Kuchkovo Pole, 2007. — 464 p.
2. Castells M. The information Age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. — Moscow: SU HSE, 2000. — 608 p.
3. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — Москва : Праксис, 2005. — 256 с.
4. Чумиков А.Н. Государственный PR. Социально-политические коммуникации / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. — Москва: Проспект, 2025. — 448 с.
5. Осипова Н.Г. Социология массовой коммуникации / Н.Г. Осипова. — Москва: ФИВ, 2025. — 319 с.

6. Кафтан В.В. Теория коммуникации / В.В. Кафтан. — Москва: КноРус, 2025. — 425 с.
7. Саркисов В.Э. Практические аспекты управления кризисной политической коммуникацией / В.Э. Саркисов // Российский социально-гуманитарный журнал. — 2024. — 4.
8. Шанцева Е.С. Специфика освещения экстремальных ситуаций в российской блогосфере (на примере освещения теракта в аэропорту «Домодедово») / Е.С. Шанцева // Журналист. Социальные коммуникации. — 2012. — 3(7).
9. Якушева Ю.Г. Роль телевидения в освещении теракта / Ю.Г. Якушева // Медиаскоп. — 2013. — 1.
10. Тыркалова В.В. Медиа и терроризм. Теракт 11 сентября 2001 года в освещении СМИ / В.В. Тыркалова // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — 29.
11. Кшинин А.В. Особенности освещения в СМИ чрезвычайных ситуаций техногенного характера (на примере аварии в Норильске) / А.В. Кшинин // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. — 2021. — 1(68).
12. Куksин И.А. Освещение чрезвычайных ситуаций в СМИ: типологизация и классификация / И.А. Куksин // Знание. — 2017. — 1-3(41).
13. Куksин И.А. Коммуникативные приоритеты СМИ при освещении чрезвычайных ситуаций / И.А. Куksин // Век информации. — 2016. — 2.
14. Королева М.Н. Подходы российских онлайн-СМИ к описанию стрессогенных событий / М.Н. Королева // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. — 2023. — 1.
15. Смелов А.А. Гибридно-информационная война против России (на примере теракта в Крокус Сити Холле) / А.А. Смелов // Вестник Поволжского института управления. — 2025. — 3.
16. Голуб О.Ю. Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа / О.Ю. Голуб // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. — 2020. — 20.
17. Василенко Л.А. Эмоции в коммуникационных механизмах управления / Л.А. Василенко, Е.А. Скачилова // Информационное общество. — 2025. — 2.
18. Штриков С.А. Антикризисная коммуникация органов исполнительной власти РФ в условиях цифровизации dis... ..Candidate of Sciences: 23.00.02 / С.А. Штриков. — Москва. — 174 с.
19. Волковский Д.В. Анализ качества онлайн-коммуникаций власти и граждан в период кризиса (на примере обсуждений пандемии COVID-19 в российских социальных сетях) dis... ..Candidate of Sciences: 23.00.02 / Д.В. Волковский. — Москва. — 198 с.
20. Афанасьев А.А. Освещение чрезвычайных ситуаций в СМИ / А.А. Афанасьев. // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: материалы 77-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции; — Петрозаводск: ПетрГУ, 2025.

Список литературы на английском языке / References in English

1. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. — Moscow: Kuchkovo Pole, 2007. — 464 p.
2. Castells M. The information Age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. — Moscow: SU HSE, 2000. — 608 p.
3. Luhmann N. Real'nost' massmedia [The Reality of the Mass Media]. Trans. from German by A. Yu. Antonovskiy. — Moscow: Praxis, 2005. — 256 p. [in Russian]
4. Chumikov A.N. Gosudarstvenny'j PR. Social'no-politicheskie kommunikacii [Government PR. Socio-Political Communications] / A.N. Chumikov, M.P. Bocharov. — Moscow: Prospekt, 2025. — 448 p. [in Russian]
5. Osipova N.G. Sociologiya massovoj kommunikacii [Sociology Of Mass Communication] / N.G. Osipova. — Moscow: FIV, 2025. — 319 p. [in Russian]
6. Kaftan V.V. Teoriya kommunikacii [Theory of Communication] / V.V. Kaftan. — Moscow: KnoRus, 2025. — 425 p. [in Russian]
7. Sarkisov V.E'. Prakticheskie aspekty' upravleniya krizisnoj politicheskoy kommunikaciej [Practical Aspects of Crisis Political Communication Management] / V.E'. Sarkisov // Russian Socio-Humanitarian Journal. — 2024. — 4. [in Russian]
8. Shanceva E.S. Specifika osveshheniya e'kstremal'ny'x situacij v rossijskoj blogosfere (na primere osveshheniya terakta v ae'roportu «Domodedovo») [Specifics of Covering Extreme Situations in the Russian Blogosphere (A Case Study of the Coverage of the Domodedovo Airport Terrorist Attack)] / E.S. Shanceva // Journalist. Social Communications. — 2012. — 3(7). [in Russian]
9. Yakusheva Yu.G. Rol' televideniya v osveshhenii terakta [Role of Television in Covering Terrorist Attacks] / Yu.G. Yakusheva // Mediascope. — 2013. — 1. [in Russian]
10. Ty'rkalova V.V. Media i terrorizm. Terakt 11 sentyabrya 2001 goda v osveshhenii SMI [Media and Terrorism. Coverage of the September 11 Attacks] / V.V. Ty'rkalova // Innovations. Science. Education. — 2021. — 29. [in Russian]
11. Kshinin A.V. Osobennosti osveshheniya v SMI chrezvy'chajny'x situacij texnogenno go xaraktera (na primere avarii v Noril'ske) [Features of Media Coverage of Man-Made Emergencies (A Case Study of the Accident in Norilsk)] / A.V. Kshinin // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. — 2021. — 1(68). [in Russian]
12. Kuksin I.A. Osveshhenie chrezvy'chajny'x situacij v SMI: tipologizaciya i klassifikaciya [Coverage of Emergencies in the Media: Typologization and Classification] / I.A. Kuksin // Knowledge. — 2017. — 1-3(41). [in Russian]
13. Kuksin I.A. Kommunikativny'e prioritety' SMI pri osveshhenii chrezvy'chajny'x situacij [Communicative Priorities of the Media When Covering Emergencies] / I.A. Kuksin // The Age of Information. — 2016. — 2. [in Russian]
14. Koroleva M.N. Podxody' rossijskix onlajn-SMI k opisaniyu stressogenno go sobyt'ij [Approaches of Russian Online Media to Describing Stressful Events] / M.N. Koroleva // Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. — 2023. — 1. [in Russian]

15. Smelov A.A. Gibrдно-informacionnaya vojna protiv Rossii (na primere terakta v Krokus Siti Xolle) [Hybrid Information War Against Russia (A Case Study of the Crocus City Hall Terrorist Attack)] / A.A. Smelov // Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. — 2025. — 3. [in Russian]
16. Golub O.Yu. Krizisnaya kommunikaciya vlasti i obshhestva v social'ny'x media [Crisis Communication Between Government and Society in Social Media: Identifying Problem Areas] / O.Yu. Golub // Proceedings of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. — 2020. — 20. [in Russian]
17. Vasilenko L.A. E'mocii v kommunikacionny'x mexanizmax upravleniya [Emotions in Communication Mechanisms of Management] / L.A. Vasilenko, E.A. Skachilova // Information Society. — 2025. — 2. [in Russian]
18. Shtrikov S.A. Antikrizisnaya kommunikaciya organov ispolnitel'noj vlasti RF v usloviyax cifrovizacii [Crisis Communication of Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation in the Context of Digitalization] dis.....of PhD in : 23.00.02 / С.А. Штриков. — Moscow. — 174 p. [in Russian]
19. Volkovskij D.V. Analiz kachestva onlajn-kommunikacij vlasti i grazhdan v period krizisa (na primere obsuzhdenij pandemii COVID-19 v rossijskix social'ny'x setyax) [Analysis of the Quality of Online Communications Between Government and Citizens During a Crisis from the Perspective of a Deliberative Approach (A Case Study of Discussions on the COVID-19 Pandemic in Russian Social Networks)] dis.....of PhD in : 23.00.02 / Д.В. Волковский. — Moscow. — 198 p. [in Russian]
20. Afanas'ev A.A. Osveshhenie chrezvy'chajny'x situacij v SMI [Media Coverage of Emergencies] / A.A. Afanas'ev. // Research Work of Students and Young Scientist: Proceedings of the 77th All-Russian (with international participation) Scientific Conference; — Petrozavodsk: PetrGU, 2025. [in Russian]